А вот сейчас рекламная пауза, в течение которой я прорекламирую один поэтический альманах, только что вышедший в свет в Москве, но который весь отдан 70 уральским поэтам.

Альманах симпатичный. Составители, как и авторы, тоже симпатичные и содержание симпатичное. Все симпатичное – все-таки родное, уральское. Есть в альманахе талантливые авторы, которые при всей их талантливости как бы заскорузли в ценностях прошлого, отдают дань давно прошедшему дню, впадают, прямо сказать, в ретроградство, не видят открывающихся перед ними далей новой эпохи. И таких авторов, по счастью, в альманахе не так уж много.

Куда больше в альманахе авторов-новаторов, сильных, смелых, дерзких, берущих стих прямо за жабры, тех, в чьих чутких руках стих не забалует – звенью звенеть, набатом набатить приходится стиху под их пером, то есть, прошу прощения за архаику, от их клавиатуры. Именно они задают тон в альманахе, именно они являются его украшением.

И, чтобы тут по-профессорски не тупить, сразу приведем пример такого украшения.

Ну, например, вот такое украшение (цитата): «...почти что наугад, почти что на лету, подшивая швы, охуеваю...». Это оповещает нас о своих порывах души и тела автор женского пола. И ведь, правда, украшение!

И что ж, что сначала от чтения такого возьмет оторопь, возьмет недоумение: «Как же это так: автор-то ведь женщина и вдруг – этот довольно сложный процесс по обретению того, чего женщине обрести природой не положено!»

А потом ничего, потом приходит догадка: ну, что же ты, идиот! Взгляни в окошко (компьютерное, конечно), стихи-то – в духе времени, новаторские. И никакой это не процесс по обретению чего-то там, женскому полу несвойственного, это всего лишь так называемая в ханжеских кругах общества нецензурная лексика, это небольшой такой с губ девочки сорвавшийся мат, всего лишь разочек сорвавшийся, она больше не будет, и она нас уже заверяет (цитата): «Я не буду раздаваться по округе зычным матом...» – Все сходится, не будет она раздаваться по округе зычным матом. На будет раздаваться тихим матом или еще каким-то потаенным, нам не поведанным, матом. Или она будет все-таки раздаваться зычным матом, но не по округе, а где-то всего лишь по части округи, по своей квартире, например. Или автор употребил глагол «раздаваться» в ином смысле, то есть имел в виду, что не раздаваться, как раздают обещания, привилегии, подарки и так далее. И автор прямо заявил, что она вот так раздаваться (раздавать себя) не будет – и не подходите, и не ждите. Многозначно пишет автор, новаторски, авангардно, то есть открывает новое. И,

может быть, у нее получится не раздаваться (не раздавать себя) и одновременно не раздаваться (звучать, шуметь и так далее) зычным матом, равно, как и другим по звучанию. Может быть, у нее получится, и скоро мы все будем зычно ознакомлены с результатом.

Это же так понятно! Это же авангард!

В другом месте находим другое украшение альманаха, отданного подчистую 70 уральским поэтам. Автор этого украшения выдает нам один кулинарный секрет (цитата): «Палачи готовят куличи. Почему же плачут палачи? Потому что прячут палачи человечью печень в куличи». И тоже сначала наша ханжеская натура возопиет, да что ж, дескать, это такое! А потом – ничего, потом приходит раздумье: «Так ведь спасибо автору! Что с палачей-то взять? Они еще и не то вытворят, палачи-то! И ведь хорошо, что автор предупредил. С палачами не будем знаться и на всякий случай на Пасху обойдемся без куличей. Да и автора бы самого предупредить! Ведь палачи! Ведь возьмут палачи да перестанут плакать и за выдачу секрета топориком-то (или ножичком, он же – скальпель) быстренько найдут что у автора чик-чик и куда это «чик-чик» спрятать...

Многозначен авангард и милосерден.

Еще в альманахе можно найти кое-что столь же полезного и украшающего.

Ну, например, вот это (цитата): «Как часто и тут, и там считают за своего, читается по губам: «Такой же, как я... Говно».

Приходится только сказать, смирив свою ханжескую душу: «Ну, что поделаешь, если такой же. Не надо быть таким». А если подумать, так и этого говорить не надо. Ведь для кого-то этот шлаковый продукт жизнедеятельности организма является милым украшением. Да ведь и указывать вообще не толерантно. Кто-то, может быть, очень нуждается в таком чтении по губам, кто-то, может быть, ищет себе такого приятеля по чтению. Это поручику Лермонтову не «читалось по губам», потому и не с кем было «выйти на дорогу». А тут пойдут вместе, диалог завяжут, ведь все-таки один другого «считают за своего». А свой своему – поневоле брат, как говорят в народе. И пойдут наши губастые братья во счастии беседы – так и человечество, глядишь, обогатится еще парочкой счастливцев, хотя бы и найдя счастье в шлаковом на губах продукте. Счастье – главнее!

И в этом плане авангард необходим обществу.

Много, много можно найти в альманахе полезного и украшающего.

И уже поэтому альманах симпатичный, цельный, отражающий уральскую поэзию. Многих из авторов альманаха я знаю лично и могу заверить – симпатичные талантливые люди. А кого не знаю лично, про них скажу, не скупясь, что они тоже симпатичные талантливые люди. Попробуйте-ка по губам найти своего! Или попробуйте во время кройки и шитья заняться делом по перевоплощению, прошу прощения, из... фу, и сказать-то не могу, ну, прочитав альманах, сами поймете, что и куда и зачем! Или наберитесь храбро-

сти выдать секрет братков-палачей! Слабо, товарищи! Не выйдет! И потому не выйдет, что – вы, ну и мы, конечно, ханжи, что все мы – бездари, что ни черта не понимаем ни в жизни, ни в литературе! А они, симпатичные авторы альманаха, понимают и жизненные процессы, и процессы в литературе. Вот, пожалуйста, пример из альманаха, который устами одного из авторов вещает (цитата): «...литература, общая невеста, едва поставив органы на место, летит под хвост профессорского пса». Ведь как точно указано! Сразу всплывают в памяти слова одного нашего родного государственного деятеля, сказавшего на всепартийном форуме (цитируем по памяти): «Задачи поставлены, цели определены, за работу, товарищи!» – И у нашего автора тоже: и определено с литературой (общая невеста), и определено с целью (под хвост пса). Остается взяться за работу, хотя задача здесь тоже многозначна: то ли остановить лет литературы в указанную цель, то ли, наоборот, поспособствовать достижению ею цели. Правда, профессора насчет цели не предупредили (и Гринпис тоже не предупредили). Но это поправимо. Профессор ныне терпеливый и толерантный пошел. Стерпит профессор.

А вот литературу жалко. А вдруг она не успела поставить органы на место, а ее посылают. Тем более, что наше родное правительство тоже ее туда послало. И это почувствовали кое-кто из авторов альманаха и спешат нас предупредить (цитата): «...и будет уже рыдать, и будет еще бо-бо». – Вот как сказали кое-кто из авторов альманаха, вероятно, про нас сказали – ну, не про правительство же. Оно занимается государственным делом. Хотя – опять же – литература «невеста общая», то есть и наша, и государственная. И в таком случае, правительство могло бы помочь «поставить органы на место» более устойчиво, а не «едва».

Много, много пищи для ума и сердца дает большой московский альманах, взяв на себя заботу о 70 уральских поэтах.

Он и свою концепцию в предисловии устами составителей и издателей изложил довольно убедительно.

Составители и издатели сказали, что авторы альманаха, составляющие целую школу поэзии, (цитата) «дистанцируются от процессов разрушения, провозглашая курс на создание новых поэтических смыслов, сохранение и развитие русской поэзии в условиях смены социально-политической парадигмы».

И уж коли – «дистанцируются от процессов разрушения», уж коли «провозглашают курс на создание», уж коли курс берут «на сохранение и развитие», а тем более в условиях, когда с социально-политической парадигмой не все в порядке, – то куда еще убедительней! Да к чертовой матери такую парадигму!

И мы, как только прочитали, так и в полной мере осознали поставленные задачи и цели, благородней которых едва ли кто в мировой истории себе определял и ставил (ну не тот же наш родной государственный деятель, который самонадеянно призывал к работе с его какими-то там задачами и целями!).

И я думаю, ни у кого не поднимется рука предъявлять составителям и издателям претензии, потому что (еще раз напомню) меняется социально-политическая парадигма, происходят всякие процессы разрушения, и надо создавать, надо сохранять и развивать, а это, товарищи, такая работа, при которой не успеешь расставить органы на место, а уже летишь вместе с литературой под хвост, и конечно, там «будет еще бо-бо». Так что – в данном случае мы без претензий. Ну, разве что боязливо пробубним: ребятки, товарищи составители и издатели, вы хотя бы какие-то другие словеса придумали, более свежие, уж коли «создаете новые поэтические смыслы», а не заштампованные со времен декабристов и всех, кто тоже декларировал нечто подобное – смену парадигмы и так далее. Но так-то мы пробубним из зависти, чего уж там...

Много, много чего нового и полезного можно извлечь себе, листая альманах.

Меня, автора сего, в альманахе задело другое. Вот смена парадигмы, вот что-то там этакое, вот модернизм, вот постмодернизм, вот постпостмодернизм, новые, там, реалии, новые созидания, дистанцирование от процессов разрушения... Это все – просто превосходно. Кто же против этого! Конечно, я уверовал, конечно, я смирился, старая ханжа.

А вот никак не могу смириться (возможно, по своей ханжеской натуре), никак не могу смириться с одним стихотворением лично знакомого мне автора, которое, думается, очень характерно для нынешнего времени. Звучит оно так:

Жди меня, и я дождусь,
Там, где спят дожди
Посреди меня... и пусть
Ты не посреди

Мышеловок высоты.
Трещин, голосов.
Я скребусь домой без ты
Битый час часов.

Окна дышат на меня,
Расширяя сны.
Нету дома без огня,
Без тебя – войны.

Скрип за пазухой, я шел
По домашней тьме.
Никого, сажусь за стол
И ни бе, ни ме.

Вроде бы и на самом деле – «ни бе, ни ме». И если спросить автора, что это такое, он, наверно, вполне толково обоснует сей изыск нынешней социально-политической парадигмой и необходимостью ее смены, поиском новых поэтических смыслов. А вернее, так просто снисходительно улыбнется, как умеем мы улыбаться тем, кого считаем, что они в литературе и искусстве, в отличие от нас, совсем «ни бе, ни ме». Потому и спрашивать я не собираюсь.

А свербит мне привести здесь несколько цитат из очень скрупулезного, дотошного и основанного на вновь открытых архивах исторического труда (В. Замулин. Переломный момент Курской битвы... М., «Эксмо», 2013). И эти цитаты, на мой взгляд, будут иметь отношение к тому «ни бе, ни ме».

Цитата: «Местность или, как иногда называют в советских документах этот район, «рукав прорыва», напоминал огненный котел, в котором масса войск двух противоборствующих сторон, перемешавшись, уничтожала друг друга с невероятным остервенением. Причем дивизии 35-го стрелкового корпуса находились в более сложном положении. Но наши командиры не обращали внимания на то, что враг овладел инициативой и глубоко проник в оборону армии (69-й армии, в составе которой находился 35-й стрелковый корпус – А. Т.), при малейшей возможности поднимали свои подразделения в контратаку, порой даже находясь в безнадежном положении...» (конец цитаты).

И еще цитата:

«Более того, командарм Крюченкин в условиях, когда немцы бомбили наши войска массированными и непрекращающимися налетами авиации, доносил: «Мои неоднократные вызовы авиации для штурмовки танков противника и рассеивания их самолетов удовлетворены не были. Вместе с тем резко возросло число ошибочных бомбежек и обстрелов собственных войск нашей авиацией. Особенно это почувствовали войска, дравшиеся в коридоре и на флангах прорыва...» (конец цитаты).

И снова цитата:

«К вечеру 11 июля обороны 69-й армии как единой системы уже не существовало, и комкор Горячев, и командарм Крюченкин не могли оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку.

Во-первых, когда происходит прорыв обороны танковой группой, ее может остановить или очень прочный рубеж в глубине обороны,насыщенный орудиями ПТО, или фланговая контратака танков. Ни того, ни другого у комкора-35 не было. Отдельный 148-й танковый полк попал в окружение в Шляховом. Оба батальона комбрига Лебедева дрались у села Сабынино. Это, кстати, очень помогло 92-й гвардейской стрелковой дивизии удержать село... Напомню, что после 18 часов 11 июля левый фланг 35 гвардейского стрелкового корпуса был смят, а 94 гвардейская стрелковая дивизия оказалась в окружении. Участок 107 стрелковой дивизии назвать прочным противотанковым рубежом было трудно. Перед передним краем дивизии даже не вся танкопроходимая местность была заминирована, не говоря о том, что дивизия других средств, кроме одного минполка и батальона ПТР, не имела... Остроту

ситуации придавало то обстоятельство, что за селом Казачье на северо-восток (к станции Прохоровка) каких-либо частей, не говоря уж о соединениях, не было...» (конец цитаты).

Вот такие цитаты.

Прозвучали названия населенных пунктов – Курск, Прохоровка. И, думаю, все, кто в нашей российской истории хоть что-нибудь «бе и ме», поняли, что речь идет не о 41-м годе, а о середине 43-го, о Курской битве, о той битве, которая стала поворотным моментом в Великой Отечественной войне.

И тогда к вечеру 11 июля 1943 года на левом фланге Курского выступа сложилась вот такая ситуация, когда немец в меньшинстве как по личному составу, так и по танкам, но почти прорвался к Прохоровке, находящейся в глубокому тылу наших войск, сражающихся в центре выступа. И если бы не почти, если бы прорвался, тогда все бы для нас полетело к чертям, вернулся бы для нас 41-й год с его окружениями и разгромом целых наших фронтов. Но наши солдаты, наши мужики, наши с вами, отцы-деды-прадеды выстояли на самой последней грани!

Я это говорю для того, чтобы можно было себе представить физическое и тем более душевное состояние наших бойцов, когда немец, будучи в меньшинстве, прет, прет и прет, бьет, бьет и бьет, и у него танки, у него авиация, и, прежде всего, у него выучка, позволяющая бить не числом, а уменьем.

Сколько нужно было иметь сил нашим бойцам, чтобы не бежать, а только пятиться, отступать от рубежа к рубежу, прорываться из окружений и снова занимать какой-то пусть и не приспособленный рубеж обороны, сознавая, что если убьют или ранят, то они будут числиться в без вести пропавших. И так на протяжении 6 суток, на протяжении непрерывных ста сорока часов, без сна, без передышки, без пищи и порой даже без воды – ста сорока часов только с 5 по 11 июля. А мы знаем, что впереди у них были еще 6 таких же суток (с 12 по 17 июля), еще сто сорок таких же часов и еще 6 таких же суток (с 18 по 23 июля) еще сто сорок таких же часов, пока, наконец, удалось врага остановить и заставить его самого попятиться. (И – это только по отношению к Курской битве. А ведь наши с вами отцы-деды-прадеды защитили нас не только в Курской битве!)

Бывало, и не выдерживали. Цитата из приказа по той же 69-й армии от 17 июля 1943 года: «Командир 122-го отдельного батальона ПТР капитан Б. после бомбежки авиацией противника 11 июля 1943 года в районе Шляховое бросил на произвол судьбы батальон, позорно бежал в тыл...где до 15 июля занимался пьянкой... Заместитель командира батальона по политчасти лейтенант П. ... 11 июля первым, бросив батальон, позорно бежал в тыл, где все время занимался пьянкой... В результате отсутствия должного руководства батальоном в бою в батальоне имели место факты массового оставления оружия врагу...» (конец цитаты). Фамилий в данном случае не приводим, не нам их судить, ведь они все-таки 6 суток беспрерывно находились в аду. Но и не судить нельзя – они сотоварищей своих на смерть обрекли.

Было и такое. Но в подавляющей массе даже в условиях, о которых только что было сказано, в огненном котле, в «рукаве прорыва», при «смятом фланге», в окружении и при бомбежке (бомбежке порой нашей же авиацией, так как она не поспевала за событиями) наш солдат оставался солдатом.

Это, что касается тех, кто выжил. А потери были большие, и большинство потерь было пропавшими без вести, потому что поле боя оставалось за врагом.

А по тем временам формулировка «пропал без вести» приравнивалась к предательству. То есть семья не подлежала никакой помощи от государства. Но в народе больше ждали о своем родном человеке вести с фронта – если уж не его собственный и столь долгожданный треугольничек, а казенный конверт – то ждали его именно с этой формулировкой «пропал без вести». Потому что она давала надежду. Потому-то всю войну и многие годы после войны жило стихотворение «Жди меня». Да и сейчас живет, если уж ухватились за него пост-и-постпостмодернисты и все прочие, кто занят «созданием новых смыслов» и так далее по перечню предисловия в альманахе.

Счастье, если предок автора сего «ни бе ни ме» и симпатичного, лично мне знакомого человека выжил в той войне (если воевал и если выжил). Счастье, если его семья не испытала на себе того самого душевного и физического гнета, какое испытывает невинно оболганный и подверженный глумлению человек. Но ведь представьте, таких счастливцев (кто выжил и вернулся с войны) оказалось меньше, чем тех, кто не вернулся. И из них, не вернувшихся, наверно, половина была причислена как раз к «без вести пропавшим». Да и те, кому пришла похоронка, продолжали верить, что это ошибка, что вернется их родной человек. То есть всем им «Жди меня, и я вернусь...» было... – да что тут говорить о том, чем оно им было. Только мертвая, не родившаяся или сумевшая себя умертвить душа не может этого понять и это сопережить.

И просится еще одна цитата, которой вроде бы на белом свете нет.

(цитирую): «Но «мертвая душа» – это только в вашем заскорузлом мнении, зациклившемся на ваших моральных и этических ценностях, которые, по примеру некоторых симпатичных европейских стран, давно пора забыть. Это вы там чего-то ждали да так и не дождались. А мы тут хоть и «со скрипом за пазухой», хоть и в «домашней тьме», хоть и на «мышеловках высоты», хоть у нас и «никого», хоть мы и «почти что наугад, почти что на лету, подшивая швы»... того, «ох...», хоть мы и «вычитываем по губам таких же, как мы...» но мы, хоть мы душа мертвая, мы «не будем раздаваться по округе зычным матом», а мы «садимся за стол», и вы будьте добры на стол нам подать, и потому хотя бы, что мы – это не вы, ваш паровоз с вашими болями и болячками давно лежит под откосом. Мы, в отличие от вас, меняем «социально-политическую парадигму», мы, в отличие от вас, «сохраняем и развиваем русскую поэзию», мы «провозглашаем курс на создание новых поэтических смыслов», мы «дистанцируемся от процессов разрушения». А вы? Вы только стонете по каким-то, там,

ожиданиям, по каким-то там не вернувшимся, но якобы обещавшим вернуться, трясетесь над какими-то, там, якобы святыми стишатами, жаждете сохранить какую-то там якобы святую русскую литературу и иже с ней народную душу! Ну-ну, ждите, ущербные!»

Вот такая еще просится на свет Божий цитата по прочтении одного симпатичного московского альманаха с семьюдесятью симпатичными уральскими авторами.

Но, слава Богу, цитаты такой нет. Рождаются подобные слова от горечи, появляющейся от прочтения таких строк, которые здесь цитированы. И таких строк в альманахе немало.

Что движет их авторами – не нам гадать. Но мнится: шалят ребятишки! – Да и как ребятишкам не шалить, когда взрослыми дяденьками и тетеньками, как бы даже находящимися в литературном авторитете, – составителями и издателями – это выдается за... (далее по списку в предисловии). Равно же не нам гадать, что двигало ими, этими взрослыми дяденьками и тетеньками, включившими в альманах эти и им подобные строки.

Не нам гадать. Но лукавили они, когда объявляли о «дистанцировании от процессов разрушения» и прочих «ценностях», выраженных ничего не значащими словесными штампами, кочующими из одного подобного рода альманаха в другой. Совсем не то было у них на душе. Тоже шалили дяденьки и тетеньки, находящиеся в литературном авторитете.

Только шалости ребятишек и шалости дяденек и тетенек в авторитете куда как разные.

Я приемлю многое в искусстве – и авангард, и классицизм, и реализм, и барокко с рококо, и искусство древних. Искусство – это такой феномен, который не знает прогресса. Оно просто есть, или его просто нет. И никакая «парадигма», никакой «поиск новых смыслов» (и так далее по списку составителей и издателей) ни при чем.

Кто написал:

«Вал завыл, сломал
Весь навес древес,
Нес в злосчастный час
Челн, нещадно мча»?

Кто написал:

«Змеи кос, висящих косо, ширясь, шли в нависший сад»?

А это кто написал?

«А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает светел
Выше откоса...»

Авторы написанного постмодернисты или постпостмодернисты или еще какие-нибудь «исты»? Нет. В первом случае – это скальд, поэт норманнского средневековья Оттар Черный. Во втором случае – это поэт грузинского средневековья Шота Руставели. В третьем случае – это русский поэт Велимир Хлебников.

И куда им всем, вместе с Оттаром Черным, с Шотой Руставели, с Велимиром Хлебниковым податься, в какие -«исты»?

То есть при всем своем нигилизме и всей своей гиперрефлексии и всех других приметах постмодернизм и постпостмодернизм и все под них пишущие, при всем провозглашении чего-то там нового и всем дистанцировании от якобы старого – все они являются, как и мы, грешные и ущербные, традиционалистами, то есть подражателями, то есть эпигонами, а никакими не «создателями новых смыслов», ну, разве что, кроме тех, с кем «наугад» и «на лету» что-то происходит, и кроме тех, кто по губам вычитывает что-то себе родственное, у кого «за пазухой скрипит», и кто «ни бе ни ме».

Но если дяденьки и тетеньки в авторитете уверяют, что это новые смыслы, тогда – да. Слушайтесь, ребятишки, дяденек и тетенек в авторитете. У них – дистанция от процессов разрушения. У них – новации! У них – прогресс в искусстве! Слушаясь их, вы тоже становитесь осиянны этим прогрессом, этими новыми «мышеловками высоты», этими «наугад», этими «зычными раздаваниями», этими «с губ чтениями» и прочая, и прочая.

С этим я вас поздравляю, дорогие ребятишки!

Но особенное мое поздравление дорогим составителям и издателям альманаха! Дерзайте, товарищи! Увеличивайте темпы дистанцирования от процессов разрушения! Смелее внедряйте курс на создание новых поэтических смыслов в массы! Твердо стойте на сохранении и развитии русской поэзии! Не колеблясь, споспешествуйте смене социально-политической парадигмы! Со всею меткостью швыряйте литературу под хвост профессорского пса!

Иначе литературе – бо-бо, и нам всем «будет уже плакать».

Вот такой симпатичный и, прямо сказать, новаторский московский альманах о семидесяти уральских головах, то есть, простите, поэтах я взялся прорекламировать!